

"Зачем мы вообще взяли его с собой?"

Я смотрю на своего мужа и удивляюсь - это тот холм, на котором ты умираешь?

"Не надо все сводить к Гилберту", - говорю я ему, оглядываясь, не слышат ли меня мои мальчишки. Он уходит, раздраженный, и помогает Марку распаковать вещи. Тишина, которую он создает вокруг своего второго сына, нервирует, и иногда я думаю, не подозревает ли он о моей измене 19 лет назад. Гилберт держится особняком, я вижу его в печальных очках и с жирными волосами.

Отель такой же плохой, как я и ожидал. Я попросил дополнительную комнату, но Стив просто поступил за моей спиной и забронировал самую дешевую дыру на заднем дворе вокзала. Я говорю ему, что это не очень хорошо, а он отвечает, что я неблагодарная, и если бы не Марк, он бы, наверное, больше не был со мной.

Гилберт отходит в сторону, позволяя Стиву и Марку сидеть на кровати и обсуждать воскресную игру. Я знаю, что ему стыдно за то, что он не такой спортивный игрок, как его брат, но я люблю его до смерти. Уже поздно, и все, чего я хочу, - это поспать после десятичасовой дороги. Горячий душ был бы прекрасен, но я просто не могу себя утруждать, а Стив все равно ко мне не прикоснется.

Я переодеваюсь в ночную рубашку и иду в туалет, чтобы почистить зубы, но Гилберт уже там, поэтому я жду его снаружи. Я слышу, как он писает, и это всегда заставляет меня чувствовать себя грязным извращенцем, но мне доставляет удовольствие слушать этот мощный поток. У Марка и Стива ничего подобного нет. Стирка белья, не видя, научила меня одной вещи, и это то, что Гилберт - отец другого. Я, во всяком случае, знала это, но его размер - это то, что он делит со своим настоящим отцом, но ему об этом знать не обязательно.

Он открывает дверь и застенчиво улыбается, увидев меня, кивает, когда я вхожу. В его трениках есть объем - может быть, поэтому Марк такой трудный брат.

Я почти засыпаю, когда слышу, как они кричат. Не друг на друга, а на Гилберта. Обычно он не приходит, но в этот раз был целый уик-энд, и я уперлась. Это вихрь, как футбол захватил жизнь моего сына, а вместе с ним и моего мужа. Он его тренер, постоянно измеряет порции, считает калории и следит за временем. И мы все втянуты в это.

Но, как и в любом водовороте, все отодвигается в сторону, чтобы не разбиться, и Гилберт - не исключение. Застенчивый, большеглазый ботаник понял, что для выживания его брата-спортсмена лучше всего молчать.

Мне больно видеть, как такую добрую душу, такого нежного гиганта вот так отбрасывают в сторону. Иногда я думаю, где я ошибся.

"Убирайся", - кричит Стив, - "чертов чудак".

Кровь закипает, и я выхожу из себя. Я вытаскиваю свое тело из кровати и появляюсь в ночной рубашке, без лифчика, большие коричневые соски видны сквозь полупрозрачную ткань, и показываю пальцем.

"Мама, фу!" кричит Марк, но я не обращаю на него внимания. Он красив, не спорю, он похож

на своего отца двадцатилетней давности. Без рубашки, гладкий, превратившийся в грех мужчина.

"Что не так на этот раз?"

"Гилберт, - говорит Стив, указывая пальцем так же, как и я, - расстроил Марка. Ты же знаешь, как он волнуется перед играми".

Доходит до того, что ты просто перебрал с этим так называемым беспокойством, которое проявляется, когда рядом его брат. Может быть, это та большая штука, которая качается вокруг его ног, когда на нем пижама. Может быть, это самолеты - причина, по которой мы полдня ехали, чтобы добраться до этого дерьмового отеля.

"Заканчивай", - говорю я, - "мне нужно поспать".

Наступает тишина, а потом Марк дуется. Я уже видела это раньше и не жду, пока Стив просветит меня о том, как мой характер мешает Марку работать. Я уже знаю, куда мы движемся, и предлагаю Стиву переспать с Марком - более чем ожидаемая рутина на данном этапе.

"Ты же знаешь, что это ему помогает", - возражает Стив на тон моего голоса. "Вот почему я не хотел, чтобы он приходил", - заканчивает он, глядя на Гилберта. Мое сердце сжимается с каждым слогом.

"Он может спать на полу", - добавляет Марк со злым укором.

Гилберт выходит из комнаты, расстроенный, и я огрызаюсь. "Вы точно заслуживаете друг друга".

Что я за мать? Меня глубоко расстраивает, что я так отношусь к своей собственной плоти и крови. Я не хочу иметь любимчиков, но я словно вынуждена это делать после того, как Стив оказывает ему предпочтение. Я нахожу Гилберта запертым в туалете, осторожно стучу, и он открывает. По его лицу текут слезы, которым я даю высохнуть на своей ночной рубашке.

Я никак не могу позволить Гилберту спать на этом маленьком и подозрительном диване. Кровать достаточно большая для нас обоих, и я уже слышу его легкое дыхание под одеялом. Марк и его отец храпят в соседней комнате.

Он такой теплый, что мне пришлось снять одеяло и спать только на простыне. Приятно, для разнообразия, иметь кого-то, кто может привнести в мою ночь немного человечности, бьющееся сердце. Стив иногда трахает меня, но это длится две минуты, никакого контакта, кроме того, что его член внутри меня, я вытекаю и пыхчу, и все. Я не успеваю ни разогреться, ни кончить, и ты терпишь некоторые вещи из-за любви и из-за своих мальчиков.

Все изменилось - очень медленно, почти незаметно, и только когда я сравниваю то, что было у нас с ним двадцать лет назад, и сейчас, я вижу, каким чудовищем мы стали друг для друга. Он напоминает мне Марка, высокого и подтянутого спортсмена, который играл в футбол. Мы познакомились в колледже, он был моим первым. Ничего общего с Гилбертом. Совсем нет. Общительный, общительный, способный сбить меня с ног, он любил теряться в моей большой груди.

Теперь каждая молодая девушка привлекает его внимание, и он живет викарно через своего сына. Его колено, травма, годы, которые он потерял на физиотерапию и врачей, осознание

того, что он больше не может играть, а потом Марк, и все свое давление на сына, вплоть до ритуала спать в одной кровати перед играми, просыпаться в четыре утра, чтобы идти и тренироваться, безумие.

Гилберт был другим. Когда я поняла, что беременна, я знала, что это не Стив. Это был темный период для нас, но я все же умудрилась трахнуть его один раз, прежде чем сказать ему, что беременна. Худший из секретов. И не один из тех, которые я могу так хорошо скрыть, потому что темные густые волосы Гилберта совсем не похожи на волосы Стива, и он так похож на своего лучшего друга тех времен, наполовину итальянца, наполовину шведа, перед которым было так трудно устоять. Это было лучшее занятие любовью в моей жизни, открывшее мне глаза на то, чего мне не хватало.

Жаль, что когда кто-то открывает тебе глаза, ты уже никогда не сможешь их закрыть. Но, по крайней мере, у меня есть Гилберт и вся любовь, с которой он может справиться.

Застенчивый ребенок, застенчивый взрослый, милый, любящий, ботаник, с большими круглыми очками и неловкостью, которую сложно описать. И Стив прекрасно понимал, что это не его сын.

Гилберт шевелится в кровати и поворачивается ко мне боком. Он пахнет лавандой после использования моего шампуня и заставляет меня улыбнуться. Я обхватываю его одной рукой и засыпаю.

Солнце еще не встало, но муж и сын уже проснулись. Они не делают усилий, чтобы не шуметь, но это не будит Гилберта. Он спит как скала, ни о чем не заботясь, на животе. Я слышу, как закрывается дверь комнаты, и вздыхаю.

Когда мы в последний раз занимались любовью по-настоящему? Слишком много лет назад. Я уверена, что у него роман, но перестала искать подсказки - чем меньше я знаю, тем лучше.

И кто я такая, чтобы судить?

Гилберт шевелится, пугая меня. Он тихонько похрапывает, но умудряется перевернуться на спину, его нога задевает одеяло и простыню и обнажает пижамные штаны. В дремотной обстановке комнаты трудно воспринимать формы. Я иду в туалет, пью воду и, возвращаясь, вынужден остановиться, прежде чем войти в кровать. Прикроватная лампа, которую я включила, чтобы увидеть свой выход из комнаты, открывает мне необъятные размеры моего сына.

Перед моими глазами мелькают грязные извращенные мысли.

Он заперт внутри своей одежды, но в каком-то смысле полностью свободен. Дугообразная эрекция, растягивающая его брюки, заставляющая резинку прогибаться в соответствии с его размерами.

Я дрожу, вспоминая его отца. Прошло столько времени, что от размера я ослабела и забыла о нем.

Я всегда знала, как на его трусах появляются растяжки, как они становятся такими свободными в подкладке, причину нежелания заниматься плаванием. Мать знает. Но видеть это, даже под прикрытием, заставляет мое сердце выстреливать к звездам, а кровь течь по всему телу.

Оно пульсирует. Я прикусываю губу, когда все мои приличия испаряются. Что, если я приложу к нему руку? Нежно погладить его? Заставить его кончить?

Он когда-нибудь раньше проводил ночь с женщиной? Он девственник?

Я просто хочу оседлать этот гребаный член. Тот факт, что он мой сын, второстепенен, не важен. Прошли годы с тех пор, как моя пизда открылась вот так, готовая, как это было с его отцом.

Это был не разовый случай. Это был годовой роман, который становился все менее и менее осторожным до того дня, когда я подтвердила свою беременность.

Но это давно прошло.

Я сажусь на кровать, руки дрожат, стараюсь не издать ни звука. Я накаляюсь внутри, мой пах посылает огонь в мозг, умоляя об этом. Легкое прикосновение, невинное, какой вред оно может принести?

Его отец взял меня сзади, держа за грудь и кончая глубоко в меня. Он никогда не надевал презерватив, я принимала таблетки, пока не перестала заботиться об этом. Дрожащей рукой я выключаю прикроватную лампу и притворяюсь спящей, в то время как моя рука спускается в трусики.

Мое тело медленно приближается к сыну, пока я не чувствую его руку на своей заднице, и тогда я останавливаюсь. Я не могу идти дальше. Я никогда не думала, что могу испытывать подобное искушение, но отчаянию трудно сопротивляться. Я в безопасности. Он в безопасности, если только я буду держать это при себе.

Аромат лаванды увлекает меня, и я закрываю глаза, пока моя рука играет с моими чувствами внизу. Он был именно тем, чего я хотела: грубый, грязный трах. Простой и понятный. Трахал мои мозги без раздумий. Если я хотела любви, у меня был Стив. Я стону, думая о нем, таком хорошем и влажном внизу.

Гилберт двигается на кровати, и я приостанавливаю свои действия. Он поворачивается на другую сторону, и я снова могу дышать, но потом он делает полный оборот, откидывает одеяло и перекачивается в постели, его большая рука накрывает меня, и, не понимая, его тело теперь обвивает мое. Я пытаюсь отстраниться, но его рука держит меня в заложниках.

<http://erolate.com/book/2944/70132>